

Глава 5.

Наблюдать за событием, не имея отношения к вопросу

Большей частью человеческий страх проистекает из невежества. Ранее более половины нерешительности и подавленности Юй Цайлин было следствием того, что она тревожилась о неизвестных ей перспективах, но, подслушивая разговоры в течение последних нескольких дней, она успокоилась. Родители понимали что к чему, состоятельная семья, несколько братьев, среди которых был ее брат-близнец – с такой электоральной базой в руках не может быть, чтобы кто-то нанес ей обиду.

Как только появилось умиротворение в душе, она задремала, и сон этот был особенно глубоким, кроме того, похоже на сей раз родители по своему усмотрению принесли весьма сильный отвар лекарственных трав, задремав, она проспала до рассвета, а, раскрыв глаза, немедленно ощутила, что сердце и легкие чисты, а слабые руки и ноги не такие вялые.

Сияя от радости, повернулась и вдруг увидела, что А-Чжу, уже стоящая на коленях около края плетеной кушетки, ставит на огонь и хлопчет над посудой, чайными чашками, Юй Цайлин удивленно и радостно поторопилась спросить об обстановке, она была способна понять, что с самого начала госпожа Сяо подала мысль сделать А-Чжу ее воспитательницей, за спиной женщины сидели на коленях две служанки, кажется, именно их госпожа Сяо назначила прислуживать ей.

Юй Цайлин, собственно говоря, хотела сначала прокричать «браво», но принялась расспрашивать об А-Мэй и А-Ляне, и внезапно осознав, что так торопиться ошибочно, промолвила:

–Мои батюшка с матушкой возвратились, на этот раз ты не сможешь уйти. Тогда, где моя прежняя кормилица и слуги? – она была благодарна председателю общества Сяньйю, подарившего ей Станиславского*, в целом не забыв актерское совершенствование – возможно ли, чтобы хорошая девочка не переживала о родителях, а прежде интересовалась партнерами по играм.

*Станиславский, Константин Сергеевич – (5 [17] января 1863 г. — 7 августа 1938 г.) — русский и советский театральный режиссёр, актёр, педагог, теоретик, реформатор театра. Создатель знаменитой актёрской системы, которая на протяжении 100 лет имеет огромную популярность в России и в мире.

Лицо А-Чжу стало серьезным:

–Княжна взрослая, ей следует знать, после того как господин, ваш батюшка, и хозяйка вернулись, все ваши вопросы они приняли под свою ответственность, прежде те люди были назначены супругой дяди, младшего брата отца, и более они вам не понадобятся.

Слова были весьма содержательны. Юй Цайлин с одной стороны скрыла мысли в своей душе, а

с другой стороны притворно надулась в раздражении, посмотрев как мышь на крупу, сказала:

– Матушке уже было известно, что тетя дурно обходится со мной, почему так поздно послала тебя ухаживать за мной? Заставила меня подвергнуться таким мукам, – она без проблем могла сыграть маленькую девочку, не знающую ничего.

А-Чжу сказала, смеясь:

– В те годы, когда снаружи был один беспорядок, переписку совсем нельзя было вести. К тому же это мелкие дела внутреннего двора, если бы хозяйка даже что-то знала, она не была бы в состоянии вовремя контролировать их, за управление домом приняла ответственность жена младшего брата твоего отца, даже если бы хозяйка направила бы человека, какая польза была бы от него?

По правде говоря, дословные слова госпожи Сяо были: верный слуга – уникален, сейчас подбирая людей, не нужно вестись на проделки женщин заднего двора.

Язык Юй Цайлин с детства – злой и язвительный, и она могла бы сказать все, что думала парой слов о «мудрой и всемогущей госпоже Сяо», но, увидев утомленное лицо А-Чжу, не смогла это вынести в душе.

С самого начала своего появления в этом месте наиболее близкого ей, чем эта малоразговорчивая, искренняя замужняя женщина, не было человека. Она размышляла о том времени, когда А-Чжу поступала осмотрительно и не решалась разыскивать слуг, чтобы взять помощника, и, как правило, всю работу по дому она целиком делала самостоятельно. В то время, когда Юй Цайлин не могла что-то проглотить, А-Чжу брала лекарственное средство и по чуть-чуть кормила ее; ради снижения жара, в холодную зимнюю пору со снежной погодой, А-Чжу целыми днями грела воду, самостоятельно обтирая ее и меняя одежду, в конце концов, когда колодезная вода замерзла, она только и могла выгребать снег и растапливать его, А-Чжу прежде правильно ухаживала за своими руками, тогда же жертвовала ими, получая обморожение; поскольку девушке не нравился жирный мясной суп, женщина отправлялась в межгорье, рыхлила снежный покров, вынимала грунт, разыскивая те самые мелкие съедобные грибы и зелень, и, возвратившись, готовила суп – девушка думала, А-Чжу все эти дни должно быть даже не отдыхала хорошо, в конечном счёте, она должна ее беречь и освободить от некоторых дел.

Юй Цайлин, опустив голову, промолвила:

– Я повинуюсь матушке.

Ведь, если велеть прийти людям, с которыми прежде все время была вместе, нельзя поручиться, что она сама не выдаст себя с головой, вовсе не опасаясь ничего, кто-то будет рассказывать, что она не такая как прежде. Девушка как раз боялась, что местные, слепо преклонявшиеся перед пройдохами, вызовут их, а те придут и будут орошать ее заговоренной водой*, объясняя, что это демон вселился в ее тело и тому подобное.

* 符水 fúshuǐ – иначе говоря, вода, в которой растворили сожженный талисман.

А-Чжу была очень довольна, подала Юй Цайлин воду, чтобы она прополоскала рот и съела кашу.

На самом же деле, если бы действительно прежняя няня и слуги находились бы здесь, им не пришлось избежать изумления, так как княжна изменилась и легко шла на компромисс, но А-Чжу, ухаживающая за Юй Цайлин уже долгое время, постоянно замечала ее цельный и добрый характер хорошей девочки, а потому не считала это необычным.

В небольшой квадратной тарелке из лакированного бордово-красного дерева стояли три небольшие одинаковые по цвету лакированные пиалы, с верху на стенках которых были нарисованы черным цветом немного странные мелкие звери; из середины той, чуть-чуть большей по размеру лакированной чаши, наполненной густой рисовой кашей, бил в нос сильный аромат, как только Юй Цайлин почувствовала, так сразу и поняла – каша была с говяжьими костями и грибами, так любимыми ею. Рядом, в маленькой чашке – морская соль и кислый мясной соус, маринованные засоленные в сое овощи, соленые, кислые и пряные на вкус, на самом деле то, что А-Чжу мастерски умела делать. Последняя небольшая квадратная пиала с закругленными углами неожиданно заключала в себе пару небольших кусочков печенья, источавшего во все стороны сладкий молочный аромат, при этом девочка не представляла какое количество сахара было добавлено внутрь. Юй Цайлин знала, что в это время сахар трудно приобрести, в сельской местности два этих кусочка сладкого лакомства были способны заставить ребенка давиться слюнками от жадности.

Из-за того, что она сама любила все эти вещи в еде, Юй Цайлин ела с чрезмерно возбужденным аппетитом, А-Чжу в стороне наблюдала за ней, улыбаясь, было похоже будто, когда девушка ела, она сама насыщалась вместе с ней.

Кушая, Юй Цайлин спросила об А-Мэй и ее младшем брате, А-Чжу сказала, смеясь:

–Благодаря хозяйке, не бросившей нас, А-Мэй в будущем будет прислуживать молодой девушке, А-Лян пока неспособен понять какому молодому господину будет служить, вот только они, побыв в деревне, распустились, госпожа Цин Ли обучает их манерам.

А затем она представила стоящих позади двух служанок. Маленькой круглолицей служанке приблизительно было тринадцать-четырнадцать лет, ее окликали по имени Цяого, другая с немного овальным лицом была старше, ей было около пятнадцати-шестнадцати лет и звали ее Ляньфан. Согласно утверждению А-Чжу «мудрая и всемогущая» госпожа Сяо, конечно же и разумеется, несколько лет внимательно искала для своей дочери надежную и преданную служанку, эти две очевидно и являются следствием тщательного отбора.

Юй Цайлин поджала губы, разве такой человек, как доверенное лицо, не должен быть выращен самостоятельно, чтобы быть надежным?

–В таком случае кем является госпожа Цин Ли? – спросила Юй Цайлин, жуя маленький кусочек сладкого печенья.

А-Чжу сказала с улыбкой:

-Она является названной сестрой госпожи, все эти годы, к счастью, она помогала госпоже, ты в будущем обязательно обращайся с ней с почтением.

Юй Цайлин кивнула головой, оказывается, она тетушка по материнской линии.

Покончив с едой, Цяого унесла вниз поднос с пищей. Ляньфан спешно достала из намотанного ватно-хлопкового тряпья, находящегося и согревающегося внутри этого кокона, лакированный деревянный цилиндр высотой в половину чи, налив в медный таз находящейся в нем горячей воды, передала Юй Цайлин, чтобы она вымыла руки и сполоснула рот. По правде говоря, Юй Цайлин еще не насытилась, ведь А-Чжу, однако, дала ей отведать всего-навсего где-то семьдесят процентов еды, «предполагая несколько минут спустя, все же дать ей отвар из лекарственных трав». Хорошо умывшись и прополоскав рот, думающую возвратиться под ватное одеяло и продолжить спать Юй Цайлин, А-Чжу вытянула наружу погулять вокруг дома и в маленькой комнатке.

-Снаружи холодно, княжна обессилена, все-таки лучше прогуляться по дому.

В душе Юй Цайлин не хотела никуда идти, однако реальность была такова, что в прежние времена занимавшаяся танцами и способная сделать шпагат, энергично дравшаяся и раскалывавшая в щепки кирпичи, как женщина-воин, Юй Цайлин сейчас задыхалась, пройдя не более двух кругов. Вполне понятно, что уже до этого способная долго ходить по сельской местности, в результате вернулась в одночасье в прошлое, где ей снова приходилось принимать лекарство и лечиться с начала. Душа Юй Цайлин была переполнена гневом, немного пройти и немного отдохнуть, переведа дух поругаться одной фразой, проклиная ту пару, носящую фамилию Гэ – служанку и хозяйку, за то, что они вышвырнули ее одну из дома: чтоб у них скрутило поясницу, оглянувшись, чтоб они нарвались на обманщиков разводящих на деньги и пусть это повторяется периодически, и пусть испытают чувства к обольстителю и похитителю женщин – и вот это будет правильно!

Откинув стеганую ткань с ворсом дорогой занавески, в комнату, где, тяжело дыша, девушка шла на восьмой круг, вошла круглолицая Цяого с бурно кипящим отваром лекарственных трав, и в лицо ударило целое облако едкого, острого аромата.

А-Чжу, поддерживая Юй Цайлин, довела ее до плетеной тахты и помогла сесть, крепко взяв пиалу с лекарством, поднесла ей. Юй Цайлин медленно сделала глоток, почувствовав горечь и онемение от кончика языка и до лба, ведь внутри горечи содержался кислый вкус, внутри кислого – едкий, в едком, кроме того, содержалась вонь как от сырой рыбы, все было так впечатляюще, что у Юй Цайлин сразу же навернулись слезы. А-Чжу, увидев ее состояние, торопливо сказала:

-Это лекарство прописано дворцовым врачом, да, немного мучает горечь, но люди говорят – оно очень чудотворное. Вчера княжна приняла дозу, и жар немедленно снизился.

Пустая болтовня, за исключением страстного желания поскорее выздороветь, даже души восемнадцати поколений предков не были бы способны заставить ее пить эту покрывшуюся плесенью вещь. Юй Цайлин, скрыв внутри недовольство, сквозь слезы повторно собралась выпить из пиалы, и как раз в этот момент за дверью голосом Ляньфан было сказано:

-Господин и госпожа пришли.

И немедленно, вслед за отдернутой дверной занавеской принесло целую струю холодного воздуха – Чэн Ши и госпожа Сяо привели за собой в комнату Цин Ли. Только сейчас по-прежнему болтая о добавленных в лекарство немалых редких составляющих, А-Чжу торопливо взяла из рук Юй Цайлин пиалу с лекарственным отваром, помогла ей лечь ничком на светлый пол, обеими руками кланяясь в малом поклоне, из уст девушки вырвалось восклицание:

-Приветствую отца и мать, пусть отец и мать будут здоровы.

Подняв голову, увидела, что сегодня Чэн Ши отказался от военной формы и был всего лишь в просторном темного цвета шитого золотой нитью шэньи и чанпао*, связанный нитью черного цвета парадный пояс, инкрустированный серебром, в поясе не было ни украшений, ни золота и драгоценных камней; госпожа Сяо в свою очередь была одета в шэньи пурпурного цвета с крупными цветами на изгибах рукавов, из-под верхней одежды виднелся на две ладони край сиреневого жуцунь**, кроме того, ворот был обшит мехом белой лисицы, волосы были зачесаны в высокую прическу, в узел вставлена головная золотая шпилька с фениксом и заколки из белого нефрита, в ушах белые яшмовые серьги, ещё более контрастирующие с изящной и воздушной внешностью, и необыкновенной манерой держаться.

* 长袍 chángpáo - китайский халат; длинный халат (платье).

** 长裙 gúqún - платье с длинными рукавами.

Чэн Ши увидел, что душевные силы дочери по сравнению со вчерашним днем гораздо лучше, в душе обрадовался, но не представлял с чего начать разговор, только и мог, что довольно ухмыляться, сидя на плетеной тахте, Цин Ли поддержала садившуюся рядом госпожу Сяо, Юй Цайлин, как в детстве, только и оставалось продолжать, низко опустив голову, сидеть внизу на коленях на круглой подстилке.

Не только Чэн Ши не знал с чего начать разговор, несмотря на то, что госпожа Сяо, находчивая и много замышляющая, в данное время тоже не представляла с чего начать разговор, оставалось только, слегка покашливая, промолвить:

-Однако наш ребенок здоров.

Юй Цайлин чуть-чуть подняла голову, прошептала в ответ:

- Намного лучше, - она делала это не предумышленно, но так как она чувствовала себя слабой перед лицом своих родителей, естественно и звук ее голоса был слабее обычного.

Ранее, к счастью, не поднимала голову, но сейчас подняв ее, Чэн Ши сразу же увидел, что дочь, нервничая, заливалась слезами, сказал:

-Почему мой ребенок плачет?

Он как раз думал сказать, что раз он, отец, вернулся, то какой ублюдок все еще смеет обижать мою девочку, и он как отец уйдет и разыщет его в любом месте, а вот вернувшись, но слабенькая дочь вымолвила:

-Да... лекарство чересчур горькое.

Юй Цайлин не представляла как жалобно выглядит в настоящее время. Истощенное тело, сгорбленные плечи, только ведь начала идти на поправку, и кожа на лице была почти что полупрозрачной, тонкая шея с трудом поддерживала голову, просто сидя на коленях, она так тряслась, что казалось, что пол под ней искривлен, как только заговорила, все услышали ее слабый голос. Чэн Ши почувствовал, что по-настоящему может раздавить дочь на смерть взмахом веера из душистого тростника, будто птенца, сейчас не только сочувствовал, но даже голос его стал мягче:

-Не лучше уж в лечебный отвар добавить немного сахарного сиропа?

Эти слова привлекли внимание госпожи Сяо и, закатив глаза, она серьезно сказала:

-Господин говорит неразумно, лекарь выписал лекарственный отвар, можно ли, что попало добавлять в него. Доброе лекарство горько во рту, сахар можно только употребить в конце, после его приема.

Чэн Ши торопливо сказал:

-Госпожа верно сказала, – повернувшись к дочери сказал: – Важно слушать твою матушку, когда болезнь пройдет, батюшка возьмет тебя с собой – отправимся верхом на лошади, посмотреть после празднество фонарей в Чжэндань.

Интерес со стороны родителей, проявлялся лишь в словах, весьма ласкавших слух, но Юй Цайлин воодушевилась от обращения к ней Чэн Ши и весело засмеялась, на бледной коже выступило несколько детских алых пятнышек, она стала такой очаровательной, что напоминала нефритовую куклу.

Сердце Чэн Ши охватила большая радость, в самом деле увидел, что его собственная дочь поистине была самой красивой девочкой в мире, а выводок маленьких девочек, родившийся у генерала Вана, даже, собравшись вместе и держащий в руках букеты с петуньями, не выдерживал с ней никакого сравнения; в следующий раз, когда соберётся выпить вина, можно будет похвастаться парой слов. Госпожа Сяо, увидев внешность Юй Цайлин, по-прежнему выглядела озадаченной.

Чэн Ши, зная, что воображения ему уже недостаточно, повернувшись к жене, сказал со смехом:

-Наша Няоня родилась красивой, – затем добавил еще одну фразу, – и это заслуга госпожи.

Цин Ли, не находя слов, посмотрела на небо, она всегда знала, что господин семьи был как слепой с открытыми глазами, маленькая княжна, очевидно, не походила на своих родителей. С ее точки зрения наружность у княжны сносная, но очень жалкая, не слишком воодушевляет,

каким образом ее можно сравнить с сияющим лицом и грациозностью госпожи Сяо.

Эстетическое восприятие людей той эпохи имело большую склонность к высоким, пышным и крепким женщинам, и еще неизвестно, будет ли в будущем, если ее кормить как следует, она такой же. Сможет или нет маленькая княжна насколько вырасти и настолько пополнеть, в прошлом пожилая госпожа Сяо была хрупкая и нежная, но манеры почти же... Цин Ли, как раз размышляя, по рассеянности повернулась и посмотрела, увидев перед собой крохотную девочку, как раз сейчас с достаточным интересом наблюдавшую за Чэн Ши и госпожой Сяо, глаза ее большие и ясные явно различали, где белое, а где чёрное, да и внешний вид очень был схож с только что появившимся на свет у дикого зверя, среди лесов, детёныша – оживленная и своенравная, и она внезапно была потрясена.

Юй Цайлин в данную минуту была похожа на праздного зеваку, разглядывающего все на своем пути, она сидела на коленях и со своего местоположения как раз смотрела снизу в район груди госпожи Сяо, и в сердце тайно радовалась: согласно словам А-Чжу вместе с умершим в молодом возрасте ребенком госпожа Сяо произвела на свет семь или восемь детей, но ее фигура еще такая сексуальная, большая грудь и широкий зад, отец Чэн действительно удачлив.

Госпожа Сяо не знала какими бесплодными идеями увлечены ее доверенное лицо и ее дочь, с обиженным лицом проговорила мужу:

–...господин, однако, придумывает и городит чушь, какая польза весь день напролет хвалиться красотой дочери семьи? Следует добавить побольше способностей и эрудиции, и добродетельного поведения. – Жена уж лучше знает мужа, она с первого взгляда раскусила, что он думает. Чэн Ши только и оставалось, что смутиться.

Госпожа Сяо, увидев его таким, вспомнила, что с тех пор как родилась дочь, муж принимал ее в сердце с теплотой, хотя и пришлось расстаться с ребенком на десять лет по настоянию пожилой матери, но в настоящий момент он был радостным, и неизвестно как ей быть, и она, внезапно расчувствовавшись, вздохнула, мягким голосом сказав:

–У нас у всех есть глаза, ждем Юн'эр с братьями. Вслед за семьей генерала Вана они вернутся той же дорогой с пятью телегами, мы сразу же возьмем с собой Няоняо, отправимся на банкет и гулянье в парк, тогда и увидим, не только мы ее, но также и посторонние.

Пока члены семьи болтали попусту, а Юй Цайлин всё ещё не ожидала, что ей дадут возможность высказать свое мнение, в этот самый момент услышала вдалеке доносившейся периодами пронзительный и снова резкий старческий женский вопль – первый голос содержал в себе горестную фоновую ноту, немного печальную, главная же тема второго была – возмущение, в особенности же последний аккорд «АААААА...» длился на протяжении уже практически семи-восьми секунд, и вопреки ожиданиям не останавливался.

В сердце Юй Цайлин родилось восхищение выдающимся талантом, способностью и звонкостью этого длинного крика вложенными в него эмоциями, ведь помимо этого нужно ещё следить за тем и за другим, этот прекрасный, золотой голос прямо-таки объединял в себе клише хозяйки

борделя от Паваротти* и комитета жителей от Ли Шуанцзян**. Продолжала размышлять, кто бы это ни был, этот звонкий крик настолько ясно распространялся, приближаясь, по-видимому, дом и парк семьи Чэн небольшой, в таком случае, как отец Чэн отнесется к этому всему в конце концов?

* Лучано Паваротти – итальянский оперный певец, один из самых выдающихся оперных певцов второй половины XX века.

** Ли Шуанцзян – китайский певец-тенор, педагог по вокалу, национальный актер. Заслуженный профессор Консерватории музыки Хэнаньского технологического университета, окончил Центральную консерваторию музыки.

Закончив размышлять о всякой всячине, она увидела, что на лице бывшей рядом с ней Цин Ли совершенно нет волнения, а сверху Чэн Ши и супруга посмотрели друг на друга с обоюдным молчаливым согласием, только тогда осознала, что грядет веселье.

Визг матушки Чэн весьма быстро перешел в выкрики: «Мой господин, мой сын... мой сын, ой...», голос следовал издали и приближался очень быстро и скоро достигнет их, а Юй Цайлин казалось все более и более, что этот дом не очень большой.

Муж и жена закончили смотреть друг на друга, Чэн Ши четко кашлянул, встал, желая идти встречать матушку Чэн, однако госпожа Сяо, не спеша, помогла мужу привести в порядок одежду и пояс, кроме того, вспомнив, обратилась к Юй Цайлин, проинструктировав один предложением:

– Не нужно пугаться, немедленно выпей целебный отвар.

Супруги, собиравшиеся выйти из комнаты, однако недооценили решительность матушки Чэн, Цин Ли, шедшая впереди, не успела поднять дверную занавеску, когда целым потоком энергии была стремительно атакована, в этот самый момент матушка Чэн совсем как дикая свинья, пронзенная стрелой ворвалась, чуть не сорвав занавеску на входе в дом.

На этот раз за своей спиной она не привела целый ряд служанок для показухи, лишь вела за собой Гэ-ши, а также двух других замужних женщин, которые Юй Цайлин не были знакомы, первая, стоявшая за ней, и матушка Чэн были определенно одного возраста, внешний вид в такой же степени грубый, а сопли и слезы размазались кругом; другая от природы изящная и лукавая, смотрелась на возраст чуть больше тридцати лет, только щедро пудры намазала, и тоже плачущая.

Внешний вид матушки Чэн был весьма жалким, роскошное платье порвано, на передней поле халата разрозненные дырки, толстая подобная хворостине для розжига огня крупная золотая головная шпилька исчезла, большая золотая серьга наподобие колеса огненного ветра* осталась в одном экземпляре, слёзы и сопли увесили все ее лицо, изо рта непрерывно:

– ...ты обязательно спаси, спаси своего дядюшку, ах... Это убивает меня, ах...

* 风火轮 – колесо огненного ветра, один из традиционно приписываемых артефактов Нэчжэ происходящее из буддийской мифологии даосское божество защиты и бог-драконоборец, официально чтимый под титулами «Маршал Центрального алтаря» и «Третий принц лотоса».

Только увидев Чэн Ши, она рванулась вперед к нему с разрывающим сердце плачем, люди только и могли быть сторонними зрителями, наблюдая, как двумя кулаками размером с большую чашу для вина матушка Чэн стала бить себя по могучей полной груди, издав тяжелый стон, заставивший всех испугаться, вместе с тем она не забыла протянуть руку и начать колотить-колотить ею собственного сына, издавая приглушенный звук бум-бум, бам-бам, несмотря на то, что Чэн Ши был полон здоровья и сил, подвергаясь ударам, он отшатнулся на несколько шагов.

Губы госпожи Сяо дернулись при взгляде на непрерывное хлестание, в душе она пожалела свекровь, родившуюся не в той плоти, если бы она родилась в теле настоящего мужчины, непременно стала бы отважным полководцем; попутно она внимательно уклонялась во избежание неожиданного удара грубым кулаком, чтобы ей ошибочно не причинили вред. Повернув голову, она увидела собственную дочь, совершившую один в один с ней самой те же действия – переместившись и спрятавшись в отдаленный угол, кроме того, повернувшейся к А-Чжу и говорившую какую-то фразу, среди сумятицы не слышимую, но вдруг госпожа Сяо различила слова «...бабушке следует быть генералом...», на этом фраза оборвалась, А-Чжу тотчас же настойчиво запихнула девочку за себя.

Госпожа Сяо опешила.

А-Чжу бросила взгляд на возникший хаос, собственно говоря, она думала как выйти из комнаты и вытащить Юй Цайлин, однако девушка в данную минуту, испытывая воодушевление, как раз не желала и не хотела, да и не была готова уйти.

А-Чжу не пошевелилась, увидев, что девочка, находившаяся в углу комнаты, крепко-накрепко, обеими руками, сжимает пиалу с лекарственным отваром, крохотное тельце немного дрожит, и поняла, что она испугалась и дрожит от страха, не оставляя мысли, что она скоро поправится и не хорошо выходить на ветер сейчас, разумеется, госпожа тоже не приказывала этого, тем более, что касается возникшей обстановки, когда матушка Чэн может потерять лицо перед посторонними, А-Чжу это не задевало за живое.

Она все еще размышляла, а Юй Цайлин вслушиваясь в вытье матушки Чэн расслышала путеводную нить, заодно увязывая недавние слова А-Чжу и обрывки разговоров в прошлом, от начала и до конца разобралась в ситуации.

Девичья фамилия пожилой госпожи Чэн – Дун, в то время, в период абсолютного беспорядка во всём мире, семья Дун бежала и практически вся погибла, лишь младший брат матушки Чэн из всей семьи дотерпел до времени, когда Чэн Ши сколотил состояние. До сих пор семья Дун существовала и опиралась на семью Чэн.

Досадно, но хватка госпожи Сяо была крепка, мало что попало в руки пожилой госпожи Чэн, мало просачивалось и семье Дун. Но дай человеку рыбу – и он будет сыт на один день, научи

человека ловить рыбу – и он будет сыт на всю жизнь*, чтобы семья Дун как можно больше получала выгоду, «умная» пожилая госпожа Чэн велела Чэн Ши дать дяде Дуну работу по его службе, жалко, но дядя Дун не смог выучиться на предпринимателя, к тому же тяготился многими земледельческими работами, беспокоясь о медленном доходе от них, и постоянно сталкивался с препятствиями снаружи.

*shòu rén yǐ yú bùgú shòu rén yǐ yú – дай человеку рыбу – и он будет сыт на один день, научи человека ловить рыбу – и он будет сыт на всю жизнь. Метафора, обозначающая, что не стоит воображать нереалистичные вещи, всегда завидовать другим, лучше усердно работать и воплощать свои желания в жизнь.

В итоге два или три года тому назад, когда пожилая госпожа услышала, что на фронте военные действия постепенно замедляются, она вынудила Чэн Ши дать дяде Дуну должность в армии, все время думая, что собственный племянник будет присматривать за ним, и вообще, что он не будет подвергнут оскорблениям, и госпожа Сяо не будет иметь какой-либо предлог.

И впрямь за эти пару лет дядя Дун был в стратегически важном пункте и даже устоял, и заработал большие деньги. Время от времени Чэн Ши и его супруга получали награду, захватывали трофеи, и эту информацию он передавал собственной старшей сестре, пожилая госпожа Чэн становилась все более и более самодовольной, по поводу и без повода требовала у сына драгоценности и пашни – старшая сестра и младший брат хорошо поживали и не тужили, не признаваясь, насколько были довольны своим положением.

Последние несколько дней пожилая госпожа Чэн, собственно говоря, в основном как раз ожидала доклад от младшего брата о ситуации с сыном, за последнее время получившим большое развитие, откуда же ей было знать, что она дождется не прибытия человека, а печальной новости – на самом деле дядя Дун, тайком присвоивший оружие и провиант для армии и продававший их за деньги на сторону, уже является по этому делу подсудимым.

Подобные преступления, даже если сделать скидку, ведут в будущем к штрафу и конфискации всего домашнего имущества, всю семью продадут в рабство за это преступление, не говоря уж, что главный преступник будет подвергнут публичной казни и разрубанию по пояснице.

Едва услышав это известие, тятя Дун, немедленно взяв с собой невестку, пришла взывать о помощи, матушка Чэн, выслушав, чуть-чуть не скончалась на месте, теряя сознание, таким образом как только приехал великий герой, к нему уже немедленно потянулись старухи, искатели и просители, к тому же он еще и был не слишком покорен им.

Чэн Ши, выделявшийся бесподобной доблестью и силой, прилагал энергичные усилия, чтобы держать в руках сильную матушку, повернувшись, молниеносно посмотрел на жену, заметив как блеснул выразительный взгляд госпожи Сяо, действие это заняло не больше, чем одну секунду, но Юй Цайлин, заставшая их с поличным, сказала про себя: начинается кульминация.

Чэн Ши сделал глубокий вдох, отряхнул мятые рукава халата, поклонился всем своим длинным телом, только после этого опустил на колени перед матушкой Чэн, храбро смотря со слезами

на глазах (Юй Цайлин в душе наградила его поощрительными возгласами, смотря на эту актерскую игру), печально и продолжительно вздохнул:

-Матушка! Об этом деле я услышал сегодня утром от своих подчиненных, этот думал известить матушку, однако... однако действительно не представляю с чего начать разговор...

Цин Ли молча смотрела вдаль на синеющее небо, она знала, что ее господин может разыгрывать дурака по-настоящему, вполне понятно с самого утра прежде всего следовало навестить дочь. Из-за того, что он недооценил тетушку Дун, и свекровь с невесткой в скоростном темпе пришли и только что преградили путь всем находившимся здесь, это все же было ложью, честно говоря, хорошо ли, тщательно ли он подготовлен, но это поистине бесполезная трата, ведь госпожа, не щадя сил, обучала его всю ночь напролет.

Поддерживающая под руку матушку Чэн Гэ-ши улучила время, льстиво проговорила:

-Всё-таки это же дядя, например, зачем ставить в затруднительное положение старшего брата, ведь он хочет помочь! - говоря, одновременно оглядывала монументально высокого Чэн Ши.

У Юй Цайлин проступило омерзение, подумала про себя: опять кому-то не хватает хорошего зеркала, ты и благородная дама Сяо фигурой, внешним видом, характером и опытностью как минимум отличаетесь друг от друга на восемьдесят процентов, как и от Пань Цзиньянь*, заткнулась бы ты все-таки.

*潘金蓮 rān jīnlián – женский персонаж из двух классических романов – "Речные заводи" и "Цветы сливы в золотой вазе", считается воплощением коварной, неверной жены и похотливой красавицы.

Госпожа Сяо сразу же приблизилась на шаг и низким голосом сказала Гэ-ши:

-Господин благоговейно преклонил колени перед матушкой, невестка еще не посторонилась, тоже хотите получить земной поклон?

Не дожидаясь ответа от Гэ-ши, матушка Чэн уже нанесла ей оплеуху, с гневным упреком сказав:

-Ты все еще не убралась! Поспешно прибежала сюда, посмотреть и посмеяться над родительским домом старухи?! - в собственном родительском доме позорное дело, она первоначально и не предполагала, чтобы много людей узнали об этом, но эта Гэ-ши, едва услышав новости, тотчас же назойливо захотела последовать за ней, как будто матушка Чэн не понимала нутро Гэ-ши, вот только прежде ей было неохота ее воспитывать и только.

Пощечина была звонкой да ещё тяжелой, вверху, на скуле Гэ-ши сразу же появилась большая красная опухоль, кипя от ярости под тяжестью позора, она не смогла справиться с собой, не смотря на лица присутствующих и закрыв лицо ладонью, с рыданиями в голос она выбежала из дома.

<http://tl.rulate.ru/book/77281/2618441>